

Новая поэзия

Егор Зернов

Это не стихотворение в трех актах, написанное на смерть французского кинорежиссера Жан-Люка Годара, снявшего такие фильмы, как «Китайка» (1967), а также «Владимир и Роза» (1971), и покончившего с собой в 2022 году, немного не дожив до 92 лет

ПЕРВЫЙ АКТ

Первый акт следует снимать на цветную киноплёнку 16-мм, закадровый голос звучит монотонно и чисто, как будто в учебном фильме. Слова, выделенные прописными буквами, выводятся на экран большими титрами на черном фоне.

Все мы видели, как по подбородку Эдипа стекало
то, что мы прежде называли бы «ВЗГЛЯД».

Наше внимание не миновало образ непогребенного
брата Антигоны, так называемого осквернителя гнезда.

Но как называется опыт
раны, наверно, на Райнере Вернере в хвойном
воздухе, жирном пятне на бумаге, PAPIER (?)

Как зовется взорванное лицо
Бельмондо, только что сигарету сосавшее,
и как-то горячо на волосах,
будто лопнули глаза и голова
под неостывшей кнопкой рестарт,

пока немолодой мужчина, уже двадцать лет
как прошедший через 1968 / 1917 / 1789 год,
сидит у печатной машинки, танец тела вкладывая в
пальцы, ногтями стирая знаки на клавишах — революционная
работа переозначивания. Этот человек, известный по черно-белым

фильмам о любви, которые с большим удовольствием показывают в московском кинотеатре «Художественный» для дорогих людей за билеты по тысяче рублей, для поклонников безопасного искусства, которые скажут, что УШЛА ЭПОХА, а может, она ушла давно, когда этот человек у печатной машинки вложил в руки Жан-Пьера красную книжку, когда Ульрике Майнхоф вошла в отельный номер советского писателя не с коммунистическим приветом, но с обновляющей пулей, а воспаленные глаза Анны Вяземски расслабились у тюремной решетки, у календаря на 1976 год.

Человек с печатной машинкой, с растущим дымом сквозь рот, сквозь повторяемый сэмпл стук-стука на фоне пытается понять, что общего у дефолтных настроек и Гитлера, бесстрастности линзы и мясника, тогда он не вот-человек, но ВОТ-ВОТ-ЧЕЛОВЕК, мерцающий лозунгом во весь экран, не ЕССЕ, но оживающий (der) EKEL, блюющий телерекламой из киноглаза, Курдистаном и сектором Газа, снарядом и кровью, засохшей на запястьях, что ярче любого знамени или сколько-угодно-высказывания.

Человек с печатной машинкой ложится спать, и во сне он видит «какую-то комнату, где на полках стоят банки с разными надписями. Тогда я увидел банку, подписанную именем бога, я рассыпал ее содержимое, и из соседнего помещения странной походкой сюда вошел человек. Если бы. Мне нужно. Было. Описать его. Одним словом. Я сказал бы. Слово. Длинный. На нем все было длинное. Он сказал сесть на колени. И загадать желание. Я сделал. То, что он просил. Я загадал желание. Произнес его вслух. Услышав, он вышел, ОТИРАЯ ЛИЦО. И я больше никогда не видел этого человека».

ВТОРОЙ АКТ

Второй акт следует распространять на листовках А5, размноженных посредством ксеркса. Прочитай — передай другому.

1. Не нужно снимать политические фильмы — нужно снимать кино политически.
2. Борьба старого и нового есть классовая борьба.
3. *Я говорю солидарностью, пока вы говорите надзором.*
4. Коммунизм — это противодвижение, отзвук, который черпает силу в звуке, чтобы его заглушить <...> (Жор. Бат.)
5. A FILM IS A GIRL AND A GUN
6. Фильм есть a girl and a gun, оса и орхидея, Владимир и Роза, ризома, разрез, взрыв воздуха, порождаемый ударом топора. Так «народ» раздевается от первого взгляда, неаккуратного слова, взмаха ресниц, случайного жеста. Так начинается кошмарный сон хорошего человека. Жуткая повесть в сердце одного из толпы.

7. Тальберг — единственный, кто помнил каждый день о 52 фильмах. Я же не помню ни одного текста, ни одной картины, ни одного лица, ни одного слова, я только вижу, как бежит эта пленка, как двигается твой рот, пока ты говоришь, Я ПОМНЮ только что-то одно: например, фразу ВОТ ТАК. Я — Жан-Люк Годар, мертвец, тело мое лежит неизвестно где, ждут меня не то птицы, не то могильные черви, я был убит французским кинорежиссером в 2022 году, режиссером, снявшим такие фильмы, как «Наша музыка» и «Фильм-социализм», я не был болен, не катался в коляске — рукой, не подверженной судороге, выдыхал сигару, смотря на последнюю крепость, которая еще не была захвачена. Замок Роля — имя той крепости, там все еще слышен голос фантома, как, например, ТРЯСИСЬ ОТ СТРАХА БОГАТАЯ МРАЗЬ или СМЕРТЬ БУРЖУАЗНОЙ КУЛЬТУРЕ. И кричать мне до тех пор, пока не исчезнет девчонка, пока не исчезнет мальчишка, мечта котор_ой — взорваться на виду у сверстников, мечтающих о брачном очаге и одобрении ректора, взорваться в лице у старика, вожделенно смотрящего на колени подчиненной, стать огненным упреком для лектора, извиняющегося за феминизм поэтессы, о которой читает лекцию, разодрать собственное тело на глазах у социально защищенных героев-индивидуалистов, у великих культурных деятелей, стать больше себя в порыве горячего ветра.

8. Мальчик и девочка, которых больше не любят мама и папа.

9. Человек, уставший сидеть в кофейне.

10. Фильм — это ~~текст, не успевший стать зачеркнутым на следующее утро.~~

11. Мы с детства несем в себе пафос неприятия коллективности, но вместе с коллективностью упраздняем солидарность, сострадание, справедливость, возможность сообщества. (Ал. Ски.)

12. Фильм есть ненависть к государственным похоронам, история о никогда не снятом фильме.

13. Если пять раз сказать слово «эгалитарность», обернуться вокруг себя два раза, потом три раза крикнуть в окно словосочетание «горизонтальные связи», а сразу после этого лечь спать, наутро у вас под подушкой окажется выпавший зуб.

14. Ландшафт есть союзник. Неровности, изломы и изгибы, переулки, повороты, тайные проходы, пустыри, тупики и туннели, входы, выходы и углы суть наши ближайшие соратники, товарищи и друзья.

15. Not to introduce one thing after another, which was still the law for Brecht. Now you have to bring in as many factors as possible at the same time so people are forced to make choices. (Hein. Müll.)

16. Наши лица суть сны, развеянные к десяти утра, выпотрошенные простым подъемом корпуса, сгибом живота, распрямленной складкой на щеке.

17. Искусство Жозефины состоит в том, что, хотя она поет не лучше, чем другие мыши, и свистит даже хуже, она, возможно, побуждает детерриторизацию «традиционного свиста» и освобождает его от «повседневной борьбы за существование». (Жил. Дел.)

18. Наша музыка — это песнь отсутствующего, но что скажет отсутствующий, что скажет отсутствующая, выслушав нас до конца.

ТРЕТИЙ АКТ

Третий акт следует транслировать через двадцать лет после смерти режиссера. На телеэкране появляется сам ЖЛГ, родственники, известные и неизвестные поклонники, телезрители, враги.

ВОПРОС: Как вы узнали о смерти ЖЛГ?

ОТВЕТ: Обычно это начинается так: приходит смерть, и тогда мы надеваем траур. Я точно не знаю почему, но я делаю наоборот. Сначала я надеваю траур, но смерть не приходит. Как бы исключение, которое все никак не подтвердит правило.

ВОПРОС: Вы не ответили на мой вопрос.

ОТВЕТ: Тогда я раз за разом искажал правила на воображаемом Страшном суде.

ВОПРОС: Какое отношение это имеет к тому, что

ОТВЕТ: И моя душа споткнулась о тело: она ушла, забыв предложить руку.

ВОПРОС: Ясно.

ОТВЕТ: Так и было.

ВОПРОС: Как на вас повлиял ЖЛГ?

ОТВЕТ: Конечно, он был тем, что смотрит вам в глаза, и вы понимаете, как сильно вы хотите избежать той же участи. Дым трогает кристалл, из-за этого все и происходит, правая рука трогает левую руку, пока левая трогает другую левую, и нельзя угадать, в каком прикосновении тут базис, а в каком надстройка. Через 35 кадров я поверну голову к стеклу в стене, никакой музыки.

ЖЛГ поворачивает голову к стеклу в стене, никакой музыки.

ОТВЕТ: Я будто бы прихожу в гости к постепенно исчезающему родственнику. Осталось считанное кол-во слов, и он знает это. Вы сидите рядом, каждый раз прощаясь навсегда, гоня воздух по горлу, вы заражены этой последней усталостью. Ни ветра, ни звука. Вы можете сказать только сто слов, двадцать пять слов, два слова. Родственник пропадает, никуда не уходя. Кажется, я решил, когда понял, что это я прихожусь себе тем самым родственником.

*Ни ветра, ни звука. Последняя усталость, воду гоняет дыхание света.
Это даже ничего не значит. Слова, написанные курсивом для
ускользающей красоты на умирающем фоне.*

СОММЕ ÇА

ВОПРОС: Что потом?

ОТВЕТ: Потом, когда тело Годара стало телом старого дезертира (ведь мы так заключили), ты (и я) пошли в кино, чтобы увидеть нового Дзигу Вертова, чего не увидел Жан-Люк. Мы так и говорили: «Этот фильм не смотрел даже он». Дети играют в Россию, дети играют в черное и белое, в белый, черный, красный, красный, зная, что речи о белом благородны только тогда, когда речь идет о платке Софьи Перовской. Мои легкие — это вздымающийся белый платок, проворно летящий вниз, и я могу сказать любую глупость, будто говорю по-французски. Лев Троцкий, в порыве рук и лица кричащий, мол, MAKE ME A STAR, литературовед, убитый стальным чем-то, что впоследствии будет слито в непонятное слово КОММУНИЗМ. Американское кино, рожденное пленкой лагерей смерти, на красном ковчеге втекающее в лагерь смерти — новую экранизацию Алисы Розенбаум. Беспечный ездок уже накачался чем-то за кадром, и я понятия не имею, куда мы едем. Встань на броневичок, ковбой! Оседлай ПРОЛЕТАРСКУЮ СИЛУ. Говори о разрыве, диалектике эвтаназии, фабрике грез по ту сторону тумблера, счетчика прожитых лет. Через 14 кадров насилие крика сменится насилием молчания.

Насилие крика сменяется насилием молчания.

СОММЕ ÇА

ВОПРОС: Как вы узнали о смерти ЖЛГ?

ОТВЕТ: Мы идем к Финскому заливу. Паранойя укладывается поближе к сновидениям. «Будто ртуть упала», — говорит Ал. Ски. о стихах Ма. Зем. А потом у воды: «Посмотрите, ноготь не вмещается между морем и небом. Это очень мало места. Должно быть больше». Появляется Ал. Ци. У нее *резонирующий* голос. Не знаю, почему такое прилагательное — значение это или звучание. В этом они похожи с Ал. Ски. Ее *а-вот-наши-московские-гости*, его *них.я-них.я-них.я*. При живом ЖЛГ. Что говорит о тебе эта тревога? На видеоролике брови молодого романтика, волосы цепляются за облака — июльский автопортрет. Возможность объятий, интонация заключения, точки, размывающейся до пятна под резким лучом электричества. Через

кадр проявится ошибка монтажа, осенний ландшафт. Вроде мокрая перхоть, и это уж точно звучание, а не значение.

A FILM

IS A GIRL

AND A GUN

COMME ÇA

A FILM IS

ВОПРОС: Что вы имеете в виду, господин Арто?

ОТВЕТ: Я хочу сказать, что я нашел способ <...> тут помогла бы латынь <...> люди уже не верят в бога <...> слишком много отцовских фигур <...> и вот твоя рука прислоняется к подбородку <...> как бы мысль о чем-то забытом <...> и самым тщательным образом <...> я просто хочу [думать], чтобы в этот момент ты думала обо мне <...> только сделал ему тело без <...> «традиционного свиста» <...> не вмещается между морем и небом <...> эксеги монументайре перенниус <...> и он не ушел от удара сверху <...> черт разберет <...> нет, я не сошел с ума <...> не дай мне бог <...> и как бы выключают свет у меня, то есть в моей <...> легче думать как о жертве, конечно <...> и ты выходишь из палаты <...> ОТИРАЯ ЛИЦО <...> а по тебе, другому, стекает то, что мы прежде назвали бы «ВЗГЛЯД»

COMME ÇA

A FILM IS